

СЛОЖНЫЙ СОЦИУМ:

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ПОВОРОТОВ В СОЦИОЛОГИИ

Автор: С. А. КРАВЧЕНКО

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского Государственного Университета Международных Отношений МИД РФ (E-mail: sociol7@yandex.ru).

Аннотация. Вступление человечества в новый социум означает новые социальные реалии, что потребовало инструментария, который мог бы быть применен в социологии. Анализируются новейшие повороты в социологии, нацеленные на выработку более валидных теоретико-методологических подходов, позволяющих анализировать усложняющиеся реалии. В осмыслении сложности возрастает значимость нелинейно-гуманистического **социологического** воображения.

Ключевые слова: сложное общество * постдисциплинарные подходы * поворот к сложности * поворот мобильный * поворот ресурсный

Классическая и часть неклассической социологии исследовали *общества*, перспективы их *рационализации*, включая действия индивидуальных и коллективных социальных акторов, что позволяло прогнозировать движение в направлении к достаточно стабильному "всеобщему процветанию". "Социология стала наукой, - пишет С. Фуллер, - указывающей *на*, или существующей *для*, государства благоденствия" [Fuller: 17]. Но объективная социальная реальность по мере ускорения и усложнения социокультурной динамики, космополитизации процессов не вписывалась в *желанные - рационалистические и логоцентристские* - перспективы. Дело не в теоретико-методологических изъянах существующих парадигм, к которым мы привыкли и которые верой и правдой служили не одному поколению социологов. Проблема в ином: "организованный, рациональный" социум на наших глазах стал "устаревать", обретая качественно другие характеристики - *быстро увеличивающейся сложности*. Чтобы адекватно анализировать "убегающий мир" (Э. Гидденс), пришлось не улучшать и подправлять существующий инструментарий, а создавать *качественно иные парадигмы*, основанные не на интеграции собственно **социологических** теорий, а на *синтезе социологических подходов с другими науками*. Так возникли *повороты в социологии*, предполагающие, строго говоря, *постдисциплинарные* подходы. Среди них: лингвистический поворот (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё); рискологический (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман); материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге); культуральный (Дж. Александер). Некоторые ученые, среди которых Ж. Бодрийяр, Дж. Ритцер, стали полагать, что такие подходы так или иначе утверждают новые постмодернистские *науки социального типа* [Ritzer]. На наш взгляд, социология в этих подходах не исчезает, а становится *другой* по содержанию и форме. Процесс этот естественный. П. А. Сорокин отмечал "недолговечность" **социологической** науки: "За семьдесят лет, прошедших после смерти О. Конта, в области социологии промелькнули десятки и сотни разных теорий и подходов; все они пережили свой расцвет, а затем сошли на нет. Еще сегодня общепризнанная теория завтра всеми отвергается" [Сорокин, 2000: 471]. Вместе с тем, предлагаемые поворо-

ты, основанные на синтезе наук, сохраняют собственно **социологический стержень**. Говорят о физически ориентированной *социологии*, хотя используют термин "новая физика" [Rifkin], о *биосоциологии* [Fuller].

За последнее десятилетие английский социолог Дж. Урри предложил три поворота в социологии: *сложности, мобильности и ресурсный* [Urry, 2011].

Поворот сложности. Глобальные трансформации конца XX - начала XXI в. принесли с собой "конец организованного капитализма". С. Лэш и Дж. Урри отметили переход от *национально организованных обществ* к "*глобальной дезорганизации*" [Lash, Urry, 1987]. Вместе с тем, новые реалии олицетворяли собой *не просто хаос*, а "*глобальную сложность*", которая стала по-своему организовываться за счет движения к *знаковым, информационным и коммуникационным регуляторам* [Lash, Urry, 1994], а также к образованию *глобальных сетей* [Castels], которые утверждались *вне конкретных обществ*. Дюркгеймовский метод социологии для анализа глобальных сетей не годился. Дж. Урри попытался даже переосмыслить основы социологии: "Я выработал некоторые "новые правила **социологического метода**", чтобы анализировать дезорганизацию, глобальные потоки и закат власти "социального"", особенно в контексте того, как трансформируются время и пространство [Urry, 2003: IX, X].

Сложный социум возник не только под влиянием *собственно социальных изменений*, но и благодаря *радикальным технологическим, организационным, коммуникационным инновациям*, которые в *совместном взаимодействии на глобальном уровне* реорганизовали казавшиеся "универсальными" качества - пространство и время. При этом, отмечает Урри, особую значимость приобретает "относительность" в противоположность "абсолютному": в одних случаях сложные реалии сжимают дистанции времени и пространства, а в других - увеличивает их. Государственные границы и культурные барьеры становятся относительными: "Глобализация видится как формирующаяся новая эпоха, как золотой век космополитической "безграничности". Национальные государства и общества не в состоянии контролировать глобальные потоки информации" [Там же: 3, 5, 6].

Естественно, эти и другие характерные реалии сложности представляют собой вызовы *не только социологии*, но и *наукам в целом*, включая науки естественные и гуманитарные, которые *также востребовали новый теоретико-методологический инструментарий* и *новые повороты* в своем развитии. На наш взгляд, в разработке "правил теоретизирования" реалий сложности преуспели представители естественных наук. Как подчеркивает У. Бек, взрыв в Чернобыле сопровождался "взрывом незнания", что, по существу, привело к образованию "пост-Чернобыльского мира" [Beck, 2010: 116]. Этот мир востребовал *иное* понимание природы в контексте ее *уязвимостей, отношений с социумом*, а главное - *возникла потребность интеграции естественных наук с социологией и другими социальными науками*, исходя из того, что у них может быть *общее* предметное поле, как раз касающееся многогранных проблем сложности. Согласно постулату "*стрелы времени*" (лауреат Нобелевской премии И. Р. Пригожин), имеет место *саморазвитие материи, ускоряющаяся*, а главное - *усложняющаяся* динамика, что относится к неорганическому и органическому мирам, к *человеческим сообществам* [Пригожин, Стенгерс].

Некоторые представители естественных наук, к которым присоединились социологи, по-новому подошли к взаимосвязи естественных и социальных наук, ратуя за преодоление их разделения, исходя из того, что и те, и другие ныне вынуждены заниматься проблематикой сложности и сами характеризуются сложностью. По Урри, появилась плеяда "физически ориентированных социологов" [Urry, 2005: 235], среди которых А. Л. Барабаси [Barabasi], М. Бьюкенен [Buchanan]. У них сложность включает понимание природы как активной и креативной субстанции [Urry, 2003: 12 - 13], а "непредсказуемость и необратимость паттернов, по-видимому, характеризует все социальные и физические системы" [Там же: 7 - 8]. Ни одна отдельно взятая наука не в состоянии охватить предметное поле сложности природы и общества. Вот почему, заявляет Урри, действительно необходима особая постдисциплинарная парадигма -

теория сложности, когда "теория хаоса, нелинейность и сложность рассматриваются как единая парадигма" [Там же: 12, 17].

Подчеркну, интеграция естественных и социальных наук обусловлена *новыми реалиями нашей жизни*. "Глобальное, - отмечает Урри, - несомненно, характеризуется эмерджентной и необратимой сложностью, процессами, которые одновременно являются социальными и естественными" [Там же: 13]. Если прежде сочетание несочетаемого выражалось в мифах о кентаврах [Тощенко], включавших в себя несочетаемое *живое*, ныне возникли *реальные гибриды* живого и неживого, физических и социальных отношений, которые получают *повсеместное* распространение. Через анализ динамичных взаимозависимостей и комплексность их эмерджентные характеристики могут быть поняты, пишет Урри. "Само по себе разделение между "физическим" и "социальным" является социоисторическим продуктом, который, как явствует, разрушается" [Urry, 2003: 18]. Нынешняя интеграция естественных и социальных наук не предполагает возврат к их "детству", когда доминировал механистический детерминизм и виделась единая суть законов физического и социального миров. "Я не предлагаю, - подчеркивает Урри, - простой "трансфер" сложности из мира физического в мир социальный", ибо теория сложности исследует весьма конкретные их *общие* характеристики, "анализирует все явления, обладающие динамичными системными качествами" [Там же: 17]. Для социологии и естественных наук интерес представляет *эмерджентное поведение* компонентов сложности. Компоненты конкретной сложной системы через динамичное взаимодействие могут развивать характеристики или паттерны, которые прямо в них не выражены. Как считает В. С. Степин, утверждаются *саморегулирующиеся системы*, качества которых не сводится к свойствам их частей [Степин].

Для сложного социума также характерно развитие *новых типов рациональностей*, среди которых рефлексивность [Archer], *гавернментальность* (governmentality) [Foucault], макдональдизация [Ritzer], играизация [Кравченко, 2006] и др. Эти и другие типы рациональности *по-новому упорядочивают хаотизацию*. Вместе с тем, последствия этих рациональностей *амбивалентны*: с одной стороны, они создают *иные* образцы определенности и референтности, которые так важны в условиях *социальной турбулентности*, но, с другой стороны, - дисфункционально влияют на *традиционные* регуляторы.

Пришедшие в нашу жизнь неопределенности и турбулентности *не предполагают беспорядок вообще*. Сложность, замечает Урри, утверждает "научные" основания неопределенности, но она необычным образом организована. Так, турбулентные потоки воды и воздуха, кажущиеся хаотичными, высоко организованны [Urry, 2003: 19, 21]. Полагаю, с данных методологических позиций можно анализировать многие реалии современной России - от общественного сознания, включающего представления о демократии и свободе, роли исторических личностей, до туристических и миграционных потоков. Отдельно взятые изменения идей или перемещения людей хаотичны, но их *результатирующая* позволяет выявлять тенденции организации и самоорганизации со своей рациональностью. Этими по-своему рациональными и иррациональными тенденциями можно и нужно управлять.

"Порядок и хаос - подчеркивает Урри, - выражают определенное состояние баланса, в котором компоненты ни полностью замкнуты в конкретном месте, ни полностью исчезли в анархии" [Urry, 2003: 22]. Это принципиально новый взгляд на природу социального порядка, факторы его рационализации. Согласно воззрениям Т. Парсонса, чья теория порядка функционирования социальных систем считалась эталоном, иерархия ценностей и норм, пронизывающая все уровни общества, используют механизмы, которые в случае тех или иных девиаций достаточно эффективно восстанавливают социальное равновесие [Парсонс]. Однако ныне мы имеем дело с *принципиально иной* ситуацией: по мере усложнения социума "усилия по восстановлению социального порядка почти всегда порождают дальнейшие непредвиденные последствия, - отмечает Урри. - Они часто такого характера, что отодвигают общество дальше от упо-

рядоченного равновесия" [Urqu, 2003: 105]. Более того, "социальный порядок в одной стране всегда зависит от ее сложных связей с эмерджентными транснациональными отношениями" [Там же: 106].

В качестве гипотезы выскажем следующее соображение: общим для *всех* рациональностей сложного социума является *имманентность "эффекта бабочки"*. Его суть в том, что даже, казалось бы, *малозначимые* действия в условиях сложного социума способны вызвать *лавинообразные последствия*, которые *проявляются нелинейно во времени и пространстве*. Под влиянием эффекта бабочки явно стабильные режимы вдруг оказываются в коллапсе [Urqu, 2005: 237]. Свежий пример тому - события в Северной Африке. Теория хаоса, в частности, отвергает представления здравого смысла о том, что "только большие изменения могут вызывать большие последствия" [Urqu, 2003: 23].

Полагаем, фактор "маленьких причин" в сложных реалиях подтверждает "естественность" многих нелинейных, взрывных событий в истории нашей страны, как отложенный результат того или иного политического решения. Так, идеал "открытости" как "общечеловеческая" ценность был востребован руководством М. Горбачева при разработке "нового мышления". Казалось, "небольшое изменение" не может угрожать "универсальным истинам" коммунистической идеологии. Но маленькое событие "не забылось": в страну устремилось *принципиально иное* знание, способствующее образованию *культурных гибридов*. Этого последствия *ригидная* коммунистическая идеология не выдержала. Нелинейно, неожиданно для властей, но вполне прогнозируемый с позиций теории сложности разразился взрыв "универсальных" стереотипов и догм, вызвавший "*эффект Титаника*" - по Урри, "хороший пример комплексной взаимосвязи систем" [Urqu, 2003: 36]. *Радикальная* трещина в идеологии повлекла за собой *хаотическую* ликвидацию "железного занавеса", падение Берлинской стены, развал социалистической системы и Совета Экономической Взаимопомощи, наконец, распад СССР. Заметим, религиозные и идеологические деятели выступают против открытости своей веры/идеологии, некоторые избегают прямых контактов (встреча нашего патриарха с папой римским до сих пор не состоялась).

С тех пор Россия превратилась в действительно открытое общество, и независимо от нашего желания все чаще случаются многочисленные маленькие события, которые "не забываются". Их последствиями при условии дисфункциональности управления могут стать более или менее частые "нормальные аварии". Американский социальный теоретик Ч. Перроу, который ввел этот термин в научный оборот, показал, что несчастные случаи, катастрофы зачастую вызваны не грубыми технологическими просчетами, а обусловлены ошибкой в виде естественного (нормального) взаимодействия человека со *сложными* системами. Если система обретает определенные характеристики сложности, то "неожиданные и взаимовлияющие друг на друга неудачи становятся системно неизбежными" [Perrow: 5]. Подчеркну: Перроу писал о системных авариях, а не о вызванных ошибкой человека [Perrow: 11].

Ныне движение к еще большей открытости открытого социума, обретение им *новых параметров сложности*, вызывают не только восторг по поводу реально появившихся свобод, но и социальные страхи и тревоги, связанные с приходом в жизнь нестабильности и неопределенности, а также опасений внешнего характера [Россия на новом...]. Минимизировать "нормальные аварии" можно не *большим* управленческим воздействием, а относительно *маленьким, но системным* эффектом в виде баланса между организацией и самоорганизацией. Ныне системное воздействие гораздо эффективнее просто суммарного сложения инициатив социальных акторов. По нашему убеждению, такие проблемы как обеспечение безопасности, борьба с преступностью, коррупцией и т.д. нельзя решать "всем миром", что в относительно закрытом и простом социуме могло приносить результаты. Сложный социум требует *системного* воздействия, что, в частности, может быть использовано для разработки и утверждения определенной *модели управляемой открытости*. По нашему мнению, некоторые ее контуры только начали формироваться, но процесс идет весьма *хаотично* в виде

кратковременных реакций на конкретные внешние вызовы. Здесь же, подчеркнем, необходимо *системное воздействие*.

Теория сложности позволяет *преодолеть "детскую болезнь" романтизма* периода становления социологии. Она "может пролить свет, насколько социальная жизнь всегда представляет значимую совокупность достижений и неудач. В значительной степени социальная наука полагается без достаточных оснований на успешное достижение целей агентами или системами. Социология, - акцентирует эту мысль Урри, - пропитана приверженностью и убеждением в возможности увеличения успеха в социальной жизни... В связи с этим, неудача является "абerrацией, временной поломкой системы"... Конечно, социальная жизнь полна того, что мы можем назвать "относительной неудачей", как на уровне индивидуальных целей, так и особенно на уровне социальных систем. Неудача "необходимое последствие незаконченности" и неспособности установить и поддерживать полный контроль над комплексом скоплений, включенных в такую систему" [Urry, 2003: 14].

Ученый полагает, что для объяснения естественности "относительных неудач", весьма важна *концепция ненамеренных последствий*, согласно которой реальный эффект, как правило, выходит за пределы декларированных намерений и целенаправленных действий [Merton]. Однако этой концепции для адекватной интерпретации реалий сложности недостаточно. Необходим более широкий взгляд: хаос и порядок, глобальные системы - взаимозависимые и самоорганизующиеся, обладающие эмерджентными характеристиками, ряд нелинейных, мобильных и непредсказуемых "глобальных гибридов", находящихся на "грани хаоса", - должны конституировать предмет социологии и ее теорию в XXI в. [Urry, 2003: 14]. Урри приводит примеры "глобальных гибридов", находящихся на "грани хаоса": информационные системы, глобальные масс-медиа, мировые деньги, Интернет, изменение климата, океаны, опасности здоровью, социальные протесты по всему миру.

В нашем понимании метафора о состоянии сложной системы - на "грани хаоса" весьма продуктивна в научном плане, а этически - архиактуальна. Как видится, из нее следует: чтобы не преступить грань хаоса в осуществлении научных и технологических инноваций, необходимых для модернизации России, нужна качественно иная, чем ныне, их научная и общественная экспертиза представителей естественных, социальных и гуманитарных наук.

Сложность также проявляется в развитии *всевозможных* (не только социальных!) *сетей*. М. Кастельс предложил теорию информационного сетевого общества. Их квинтэссенция - ныне возникают принципиально иные, *сложные пространства, время, коммуникации*, существующие в виде сетей. Так, к традиционному пространству мест добавились *пространство потоков* и *экстерриториальное пространство*. Суть последнего показал З. Бауман на примере "бестелесности власти": "властители приобретают подлинную экстерриториальность, даже если физически остаются на месте. Их власть полностью и окончательно становится "не от мира сего" - не принадлежит к физическому миру, где они строят свои тщательно охраняемые дома и офисы, которые сами по себе экстерриториальны" [Бауман: 32].

Усложнение времени рельефно видно в изменяющихся его трактовках. "В классической античности, - отмечает П. П. Гайденко, - время рассматривается в связи с жизнью космоса, а потому порой отождествляется с движением небосвода" [Гайденко: 6]. Со времен античности, пишут Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, под временем понимается, прежде всего, физическое свойство реальности, выражающееся в последовательности сменяющих друг друга событий. Сегодня эти ученые ведут речь о "нелинейности времени" [Князева, Курдюмов]. Связи физических и социальных составляющих времени представляются во многом парадоксальными и неожиданными. Время, отмечает П. Штомпка, приобретает характер *самостоятельного капитала*, своего рода товара; его можно беречь, терять, тратить, инвестировать, использовать, продавать и покупать [Штомпка: 510]. М. Кастельс исходит из сосуществования *множества социальных времен*. По его мнению, ныне доминирует *"вневременное время"*,

создав для акторов возможность "избавления от контекстов своего существования". Более того, это время власти в сетевом обществе: "социальное господство осуществляется посредством избирательного включения или исключения функций и людей из различных временных и пространственных рамок" [Castels: XXLII].

Возникают сложные коммуникации. Одной из них М. Кастельс считает "*массовую самокоммуникацию*", основанную на Интернет-технологиях. Она практически без ограничений может распространяться по глобальной сети [Castels: XXVII]. Вместе с тем, *сложность не сводится к сетям*. Дж. Урри отмечает: "Хотя современные социо-физические явления, несомненно, включены в сети, их не следует рассматривать только как сети. Кастельское понятие "сетевого общества" не охватывает динамичные свойства глобальных процессов. "Сеть" здесь слишком индифферентный термин. Нам нужен весьма обширный набор других терминов, чтобы характеризовать динамичные и эмерджентные отношения между такими сетями" [Urry, 2003: 15]. Сложность следует рассматривать через призму *аттракторов, странных аттракторов, глокализации* и др.

Урри выделяет *глобальные интегральные сети* и *глобальные флюиды* (текучие среды). Глобальная интегральная сеть - это комплекс *предсказуемых* связей между народами, предметами и технологиями (Макдональдизированные структуры, Кока-Кола, Гринпис). Главная особенность функционирования таких сетей - *детерриторизация*. Сила их влияния в мобильности и сетевом характере организации [Urry, 2003: 58]. Глобальные флюиды - тоже сети. Но они (информация, деньги, образы, риски) лишь частично структурированы и поддерживают свой контекст за счет определенной самоорганизации. Они движутся в виде "гетерогенных, нерегулярных, непредсказуемых и часто незапланированных волн. Такие волны демонстрируют отсутствие четкой точки отправления, детерриторизированное движение" [Там же: 60]. Разновидности сетей можно изучать с помощью инструментария аттракторов. Этим термином обозначают состояние, "притягивающее" к себе множество траекторий: при попадании в сферу аттрактора система начинает эволюционировать к этому устойчивому состоянию [Князева, Курдюмов: 237]. В качестве примера аттрактора Урри приводит так называемые фордистские общества, развитие которых в течении времени устойчиво происходило внутри ограниченного набора альтернатив, не позволив данным обществам развиться за определенные пределы.

В некоторых сложных системах существуют "странные аттракторы", которые можно назвать "привлекающим хаосом" [Князева, Курдюмов: 237]. Данные аттракторы представляют собой пространства нестабильные, однако притягивающие к себе траектории динамичных систем за счет многократных повторений определенных действий. В этом случае система как бы осуществляет самотворение, аутопоэзис. Аутопоэзис (Луман: 31) можно наблюдать, по мнению Урри, в нелинейных процессах урбанизации. *Многokrатно выраженные и повторенные* незначительные локальные предпочтения *отдельных индивидов*, желающих жить с теми, кто имеет схожую этничность (все это в совокупности олицетворяет "привлекающий хаос"), могут развернуть градостроительство на определенную траекторию и привести к сегрегации огромных масштабов, что характерно для больших городов США.

Как считает Урри, ныне нет глобального центра власти, "скорее, есть аттрактор "глокализации"" [Urry, 2003: 86], власть которого [Urry, 2003, 123] отчетливо видна в развитии глобальных брендов, всегда находящихся в движении, выходящем за рамки культур и зачастую встречающих локальное сопротивление. Глобализация несет очевидные взаимозависимости, проявляющиеся в разных связях, содержание которых *усложняется*. Связи в сетях могут быть как *сильными*, предполагающими *интенсивное* взаимодействие акторов, находящихся на разной дистанции, так и *слабыми*. Причем, отмечает Урри, слабые связи особо значимы в "странном явлении "*малого мира*"", который образуется, когда сети частично покрывают друг друга и соединяются с другими сетями [Там же: 52]. Это, прежде всего, выражается в том, что суммарная ценность "*малого мира*", зависит не столько от увеличения числа включенных в него узлов, сколько от увеличения *пространства*, в котором задействовано

определенное число его членов. Так, Интернет-сеть или телефонная компания "диспропорционально получает прибыль даже от небольшого увеличения числа сетевых пользователей... сети могут производить огромные нелинейные увеличения в производительности" [Там же: 52 - 53]. Подтверждается истина, что в сложных сетевых системах, к которым относится "малый мир", фактор взаимозависимости слабых связей может иметь большие последствия.

Сказанное, на наш взгляд, может стать методологической основой определения перспектив развития российской науки. Создание научных центров типа "Сколково", конечно, значимо. Но увеличение числа подобных центров имеет пределы. Гораздо важнее создать принципиально *новые взаимосвязи* ученых, адекватные сложному социуму. Исходя из реалий сложности, это должна быть сеть "*малого мира*" ученых, где отдельно взятые научные школы-сети частично перекрывают друг друга и соединяются через *слабые связи* с другими научными сообществами, включая российских и зарубежных партнеров. Именно движение к сетевому взаимодействию, по нашему убеждению, может привести к нелинейным, диспропорционально неожиданным и в то же время прорывным результатам в теоретической науке и в сфере инновационных технологий.

Названные черты сложного социума, разумеется, не отражают всю его многогранность. Следует добавить, что наряду с ним продолжает существовать *относительно простой социум*, а также *гиперсложный социум*, приобретающий характер неконтролируемости, неуправляемости со стороны человека [Шалаев].

Поворот мобильности. Дж. Урри определяет *поворот мобильности* как "новый тип мышления", исходящий из того, что "все социальные образования от отдельно взятого домашнего хозяйства до огромных корпораций предрасположены к многим и различным формам фактического и потенциального движения. Поворот мобильности связывает анализ различных форм путешествия, транспорта и коммуникаций со сложными способами осуществления и организации экономической и социальной жизни в контексте времени и различных пространств", включая "процессы потоков... Я использую термин мобильности для отсылки на более широкий проект утверждения социальной науки, обусловленной проблематикой движения" [Urry, 2008: 6, 18]. Как видим, поворот мобильности мыслится как результат *интеграции социологии с другими науками*. Востребована предлагаемая парадигма, считает он, по трем обстоятельствам. 1. Существующие социальные науки умаляют изменения, коммуникации, активности в жизни людей (проведение отпусков, ходьба, вождение автомобиля, звонки по телефону, перелеты и т.д.). 2. Минимизируется значимость изменения для определения природы работы, обучения, семейной жизни, политики (например, зачастую умаляется их влияние на социальные институты: типы семей обусловлены паттернами регулярности общения их членов и т.п.). 3. Игнорируется роль инфраструктуры в экономической, политической и социальной повседневной жизни (дороги, железнодорожные сообщения, телеграфные линии, водопроводы, аэропорты и т.д.). Кроме того, необходимо, по его мнению, изучать не только мобильность собственно социальных акторов, но и "*движущиеся места*". "Места путешествуют, медленно или быстро, на более длинные или короткие расстояния внутри человеческих или нечеловеческих сетей" [Urry, 2008: 19, 42].

Эта проблематика до Дж. Урри не нашла отражения в *специальных исследованиях*. Весьма значим его акцент: нельзя трактовать природу социальных структур *вообще, вне их мобильности*, а также *вне связи с несоциальными, материальными объектами*, которые тоже находятся в движении. В относительно простом закрытом социуме социокультурная динамика была невелика, и этими факторами можно было пренебречь. Однако в сложном социуме фактор мобильности стал решающим для характера социальных институтов. Поворот мобильности позволяет пересмотреть постулат о том, что сознание и поведение людей не зависят от динамики их *материального окружения*.

Таким образом, речь идет о традиционных и о новых типах мобильностей, возникших и возникающих на наших глазах; они появляются на микро- и на макроуровнях.

Особо акцентировано *усложняющееся содержание* мобильностей: люди путешествуют дальше и быстрее, при этом не более часто и не проводя фактически больше времени в дороге [Urqu, 2008: 4].

Сравнивая традиционные и современные мобильности, Урри отмечает, что если раньше мобильность предполагала культурно обусловленные ритмы устоявшиеся биосоциальные практики (движения ходящих тел японцев и европейцев существенно разнятся), если прежде были конкретные пути, дороги, тенденции социокультурной динамики вообще, теперь *качественная сложность* мобильностей проявляется в том, что они происходят *вне территориально фиксированных обществ и культур, вне конкретного времени и пространства*. В этой связи выделяется пять *взаимозависимых* мобильностей: *телесное путешествие людей* на работу и отдых, в процессе семейной жизни или миграции; *физическое движение объектов*; *воображаемое путешествие* посредством образов мест и народов; *виртуальные мобильности*; наконец, *коммуникативное взаимодействие людей* посредством посланий, текстов, телефона [Urqu, 2008: 47].

Сложность в том, что если раньше мобильности предполагали иерархию социума и соответственные тенденции горизонтальной и вертикальной мобильности, теперь возникли *сетевые мобильности* вне традиционной социальной стратификации. Если прежде мобильность была как-то структурирована, ныне появились *неструктурированные* мобильности в виде *потоков* людей, знаний, денег, рисков, практически неподконтрольные государствам. По мнению Урри принципиально новыми являются: увеличивающееся *разнообразие* мобильных систем; *саморазвитие* и *саморасширение* ряда мобильностей, в частности, автомобильной системы и ее рисков; развитие мобильностей *вне национальных обществ*.

Утверждается значимость многосложных мобильностей для социальной и эмоциональной жизни людей. "*Мобильный комплекс*" освобождает индивида, предоставляя новые возможности жизненных выборов, от структур класса, семьи, возраста, карьеры. Мобильности даже создают экспрессивные тела, обладающие коллективным габитусом, стремящиеся к эмоциям, наслаждениям, развлечениям, новизне, новым местам и людям. Соответственно, мобильности меняют представления о товарном фетишизме, превращая части тела в товар. Возрастает значимость "*фетишизма движения*" [Urqu, 2008: 195, 197].

Под влиянием усложняющегося движения новый смысл обретают социальные отношения. Во времена Маркса капитал формировал отношения к собственности, средствам производства и власти; в ныне формирующихся социальных отношениях приоритет у *средств мобильности* [Urqu, 2008: 196 - 197].

Усложняющееся движение требует *переосмысления базовых человеческих ценностей*. Ныне неотъемлемым правом личности, по мнению Урри, является *право на мобильность в глобальном масштабе*; соответственно, понятие "гражданство" не просто меняется, а становится другим и *сложным*: в частности, появляются "мобильное гражданство, связанное с правами и обязанностями посетителей других мест и культур"; "постнациональное гражданство", обеспечивающее права человека. Все эти гражданства обретают новое качество - они "ненационально-центрированы" [Urqu, 2008: 189 - 190].

В контексте усложнения мобильностей Урри предлагает принципиально новый подход к *социальной дифференциации* и иную трактовку *неравенства*, предлагая *концепцию доступа*. Прежде социальное неравенство предполагало дифференциацию людей по владению материальными, политическими или духовными благами. Ныне неравенство, считает социолог, прежде всего, обусловлено совокупностью отношений к дистанции, транспорту, способам коммуникации, которые могут быть неадекватным, ограниченными, плохо организованными, что фактически ведет к дифференциации людей по *доступу* к работе, обучению, лечению, включая взаимодействия с членами семьи на расстоянии. И самое главное: доступ к различным *социальным сетям* становится приоритетным в современном сетевом обществе и маркером *мобиль-*

ного социального неравенства. Так, в Великобритании наличие водительских прав в 2 раза увеличивает шансы на работу. Представители более мобильных социальных групп больше участвуют в ассоциациях. Вывод: "социальное исключение могло бы быть уменьшено посредством улучшения доступа" [Urry, 2008: 192].

Итак, поворот мобильности предполагает переход от изучения социальных структур и их функций к исследованию *сложных мобильностей* за пределами конкретных пространства и времени.

Поворот ресурсный. Социолог считает турбулентные времена временами "тяжелыми" в двойном смысле: для европейцев, пока не выработавших новые адаптивные структуры жизнедеятельности, для социологов, которым предстоит иначе взглянуть на предмет своей науки в контексте усложняющегося социума, его *потенциально новых взаимоотношений с природой*. Именно поэтому им предложен *ресурсный поворот*. "Социальный и физический/материальный миры чрезвычайно переплетены, и дихотомия между ними есть идеологический конструкт, который необходимо преодолеть" [Urry, 2011: 8]. И далее: "... социология сегодня нуждается в другой нише *исследования* и изучения, в новой предметности. Это пойдет ей на пользу в новом мировом *бес/порядке*, для которого характерны новаторские ресурсные ограничения... Я также ратую за "ресурсный поворот" в социологии, позволяющий анализировать общества посредством паттернов, шкал и характера их ресурсной зависимости, а также последствий использования ресурсов. Необходимо разработать скорее *посткарбонную социологию*, чем постфордистскую или постмодернистскую социологию... Я стремлюсь ни к чему другому, кроме как развитию посткарбонной социологии, и что гораздо важнее - посткарбонного общества" [Urry, 2011: 16].

Урри реалистично полагает, что ресурсный поворот к посткарбонной социологии влечет за собой научные и политические конфликты, которые имеют четыре "очень значимые причины". 1. Интересы глобальных энергетических корпораций. 2. Отсутствие науки о климатических изменениях. 3. "Глобальное потепление". 4. Необходимость разработки научной политики, которая бы обосновывала не просто вероятность, а причинную зависимость изменений климата от роста выбросов в атмосферу. Это делает климат ключевой категорией XXI в. [Urry, 2011: 22 - 24].

Для конкретизации идей ресурсного поворота Урри вводит ряд *социологических неологизмов*. Некоторые из них важны методологически. Прежде всего *новый эпохализм* - подход, предполагающий интеграцию социологии с естественными науками [Urry, 2011: 37]. Традиционный эпохализм "основан на линейной концепции времени, согласно которой "новое" непосредственно замещает "старое", содержащее семена своего разрушения. "Новый" эпохализм предполагает нелинейную концепцию времени, исходит из того, что эпохальные изменения принципиально отличны от ранее происходивших. Это выражается в разрывах преемственности, "взаимозависимых катастрофах в природной, климатической, продовольственной, водной и энергетической системах". При этом изменение может не быть постепенным, а случаться драматически, одномоментно, в виде стремительного напора [Urry, 2011: 42].

Предложен *новый катастрофизм* в осмыслении будущего обществ [Urry, 2011: 36]. Суть его - учет неопределенности, ограничений научного знания, и вместе с тем - с позиций нелинейной методологии - *исследование* климатических изменений и их социальных последствий; осознание сложности систем, которые "обычно не движутся к равновесию". Напротив, "системы следует рассматривать как динамичные, процессуальные, демонстрирующие силу второго закона термодинамики: согласно ему физические и социальные системы движутся к энтропии... Системы характеризуются отсутствием пропорциональности или "нелинейностью" между явными "причинами" и "эффектами" [Urry, 2011: 41 - 42]. "...увеличивающуюся значимость приобретает продовольственная и водная безопасность", "человеческие и физические системы существуют в состоянии динамического напряжения и особенно уязвимы перед динамическими нестабильностями" [Urry, 2011: 44]; необходим анализ социума через призму *сложных уязвимостей* - потенциального сокращения запасов нефти, природных ка-

тактизм, наступления пустынь, возникновения "высокомобильных заболеваний", "инвайронментальных беженцев" [Urry, 2011: 45].

Мое отношение к термину *новый катастрофизм* двоякое. С одной стороны, импонирует акцент на сложных, открытых, нелинейно развивающихся социальных системах. Для их анализа не подходит инструментарий иного времени, ориентированный на исследования относительно простого в системно-функциональном плане, закрытого, линейно развивающегося социума. С другой стороны, в новом катастрофизме нет принципиально нового предметного поля. Акцент на *социально-природные последствия* катастроф, несомненно, важен. Однако заслуга вычленения собственно *социальной составляющей* в катастрофах принадлежит П. А. Сорокину [34; 35].

Разумеется, не терминологические нюансы оттеняют значимость идей ресурсного поворота. Их необходимо использовать в интерпретации усложняющихся социальных отношений турбулентных времен. Вместе с тем, на наш взгляд, три поворота, ратуя за интеграцию естественных и социальных наук, оставляют в стороне *науки гуманитарные*. Мы принципиально исходим из того, что для анализа сложного социума необходим синтез естественнонаучного, социального и гуманитарного знания, результатом которого явилась бы *парадигма сложности, имеющая социологический стержень*. Такая интеграция позволила бы: а) максимально учесть сложности социокультурной динамики, парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, развивающегося в *единстве с природой*, б) осуществить поиск и утверждение *новых форм гуманизма*, включая *гуманистическую направленность* научных исследований, что становится этическим императивом в сетевом сообществе. Мы утверждаем *нелинейно-гуманистическое социологическое воображение*, которое, по нашему убеждению, необходимо представителям *всех наук*. Инструментарий предлагаемого типа *социологического* воображения, включая нелинейную и гуманистическую составляющие, позволит глубже анализировать сложные реалии, научит жить с ними [Кравченко, 2010].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
- Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007.
- Кравченко С. А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М.: МГИМО-Университет, 2006.
- Кравченко С. А. Динамика *социологического* воображения: всемирная культура инновационного мышления. Монография. М.: Анкил, 2010.
- Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001.
- Луман Н. Социальные системы. СПб.: Наука, 2007.
- Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.
- Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия // Вопросы социологии, 1993. N 3.
- Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: *Исследование* изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000.
- Сорокин П. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009.
- Степин В. С. О философских основаниях синергетики. Синергетика: Будущее мира и России. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема: Опыт философского и *социологического* анализа. М.: Новый хронограф, 2011.
- Шалаев В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности. Йошкар-Ола, 2009.
- Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
- Archer M.S. Structure, Agency and Internal Conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Barab si A. -L. Linked: The New Science of Networks. Cambridge, MA: Perseus, 2002. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press. 2010.

Buchanan M. Small World: Uncovering Nature's Hidden Networks. London: Weidenfeld and Nicolson, 2002.

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. 2-nd edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.

Foucault M. The Foucault Effect: Studies in Governmentality. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Fuller S. The New Sociological Imagination. L: SAGE, 2008.

Merton R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review, vol.1, 1936.

Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1999.

Rifkin J. The Age of Access. Harmondsworth: Penguin, 2000. *Ritzer G.* Postmodern Social Theory. The McGraw-Hill Companies, 1997.

Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000.

Lash S., Urry J. The End of Organized Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1987.

Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space. London: Sage, 1994.

Urry J. Sociology Beyond Societies. London and New York: Routledge, 2000.

Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.

Urry J. The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society. Sage Publications, 2005.

Urry J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011.

Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.